

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ

МУРАЕВЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
СЕЛЬСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ В РОССИИ
СПб., 1880.**

С. 37 – 158

ПРОДОЛЖЕНИЕ

(с комментариями Л.И. Земцова)

НАЧАЛО – В № 3 (4) 2017 ГОДА

III. Общий обзор пользования общинными землями до и после 1861 года

Вольного или *захватного* пользования общественною землею (какое существует в Сибири, на севере России и в казачьих землях) не только в пределах волости, но и в окрестной местности *не существует*. Не существовало его и прежде, насколько простираются воспоминания старожилов (т.е. на полвека); не могло его существовать и тогда, когда, как это было в конце прошлого и первой четверти нынешнего века, в местности еще не было недостатка в свободных залежах и пустошах, так как все залежные земли и пустоши принадлежали здесь помещикам, а крепостные общины пользовались только отводимыми им наделами. За основание отвода принималось до 1861 г. во всех без исключения общинах *тягло*¹. Обычный тягловой надел до половины нынешнего века составлял 2 сороковые десятины (2 $\frac{2}{3}$ дес. каз. меры) в каждом из трех полей на тягло, но тягловый надел, как будет объяснено ниже, никогда не находился в одном сплошном участке в каждом поле, а был разбит на несколько отдаленных друг от друга полос.

По мере увеличения числа тягол вновь возникающим тяглам отводились новые тягловые наделы из общего запаса свободных помещичьих земель, если таковой имелся. И в таком случае размножение тягол весьма поощрялось помещиком, который с увеличением числа тягловых наделов увеличивал и свою запашку, в большей части случаев равнявшуюся по пространству крестьянской запашке и только редко превосходившую ее до 25 %. Когда же эта система достигала своего предела, т.е. истощались свободные запасы владельческих залежей и пустошей и не представлялось более возможности делать расчистки лесных зарослей, тогда помещик полагал обыкновенно предел умножению подлежащих наделу тягол. Это достигалось более поздним образованием тягла, т.е. более поздними браками подростков, ранним снятием тягол со стариков, еще способных к работе, отпуском наиболее зажиточных семей на волю путем выкупа, отправкою некоторых семей на отхожие оброки, дозволением зажиточным крестьянам покупать (на имя помещика) собственные земли*, причем тягло с этих семей снималось (т.е. надельная земля отбиралась) и они переводились на оброк, снятием тягол и переводом на оброк крестьян, занимающихся какими-либо прибыльными для них промыслами, продажей избытка крепостных семей *на своз* или выселением их на собственные пустопорожные земли в другие губернии, а в небольших имениях иногда и лишением всех крестьян их наделов и обращением их в батрачество, причем крестьянские запашки присоединялись к господским.

* Как это было в Заболотской вотчине Мураевенской волости.

Во многих имениях число тягол считалось даже навсегда укрепленным, например, в Мураевенской вотчине число тягол в течение последнего 10-летия перед освобождением крестьян держалось постоянно в 108, и для этой цели тягла налагались на возникающие вновь брачные пары только тогда, когда смерть тяглового работника или старость его делали одно из 108 укрепленных тягол вакантным. Только в редких случаях помещик продолжал наделять прибылые тягла из своей собственной запашки до ее истощения, а уменьшение через это состоявшего в его распоряжении крепостного труда вознаграждал денежным оброком, на который помещик переводил достаточные дворы, оставляя на барщине только то количество тягол, которое соответствовало размерам владельческой запашки. При этом с оброчных дворов и тягол требовалось еще некоторое количество сгонных дней². При такой системе число оброчных тягол постепенно увеличивалось, а барщинских с уменьшением господской запашки постепенно уменьшалось, вплоть до перехода всего имения на оброк. В таком переходном положении (на смешанной повинности) застало освобождение крестьян все три общины бывшей однопоместной Заболотской волости, несколько лет тому назад присоединенной к Мураевенской. Одна же община волости, Нарышкинская, пройдя всю указанную постепенность, находилась уже на чистом оброке, причем все земли малоземельного имения состояли в пользовании крестьян.

Впрочем, переход крестьян на оброк с предоставлением в их пользование всей владельческой земли при крепостном праве обуславливался не всегда малоземелием имения, а иногда абсентеизмом помещика и нежеланием его вести свое хозяйство в заглазном и притом незначительном имении, как это было в Чернышевской вотчине.

При описанном *тягловом* способе пользования землею, существовавшем во всех без исключения общинах Мураевенской волости до 19 февраля 1861 г., бывали и *коренные переделы*³ с ломкою меж, обусловленные в барщинских имениях почти всегда инициативою помещика, вытекающие из его хозяйственных соображений и потребностей, но вообще довольно редкие. Необходимо заметить, что при крепостном праве в описываемой местности наделы крестьянских общин во всех барщинских имениях, т.е. таких, в которых существовала более или менее обширная господская запашка, не были приурочены к крестьянским усадьбам. Вся пахотная земля имения была поделена на три поля: ближняя половина этого поля составляла господскую запашку, а дальняя – крестьянскую. Если, как мы уже говорили выше, у владельца существовали еще запасы залежей, то наделы прибывающим тяглам нарезывались не непосредственно из этих залежей, а от конца господских полей к границам крестьянских, а взамен утрачиваемых частей господской запашки поднималась помещиком новина в тех местах, где существовали залежи. По истощении почвы таких новых расчисток посевами на новях употребительными, помещик во избежание чересполосности своей запашки обменивал истощенные нови на ближайšie к его полям части крестьянского надела, предоставляя общине делать коренной передел своего надела. Вообще говоря, памятными для старожилов причинами переделов при крепостном

праве в барщинских имениях были: 1) замен помещиком, по каким бы то ни было соображениям, одних крестьянских наделов другими (обмен угодий); 2) общее уменьшение тяглового размера крестьянских наделов, производившееся в редких случаях по индивидуальным соображениям вновь вступавшего во владение путем купли или наследства помещика; 3) образование помещиками так называемых *выселков* или хозяйственных хуторов, всегда сопровождавшееся обменом между господскими землями и крестьянскими; 4) специальное межевание, сопряженное с коренною ломкою как господской, так и крестьянской меж.

Во всех этих случаях происходили коренные переделы с ломкою меж по непосредственному распоряжению помещика, который, впрочем, всегда предоставлял разверстку вновь нарезанных или перерезанных мирских земель самой общине. Вынужденная к переделу община выработала уже сама, притом совершенно самостоятельно, обычный в местности, но подверженный мелким вариантам уравнительный способ разверстки полевых земель⁴, сущность которого заключалась в том, что каждое поле делилось на несколько клинов, или смен (конов или жеребьев), и каждое тягло получало свою полосу в каждом клину по жеребьевке.

Однако изредка в барщинских имениях были случаи, когда переделы происходили *по инициативе общины*, а именно: прибылые тягла получали свои наделы из помещичьих полей с отрезкою на каждое прибылое тягло в каждом поле сплошного участка земли, большею частью хорошей и притом наименее удаленной от крестьянских усадеб, вследствие чего эти тягла были поставлены в лучшее положение против других тягол, участки которых в каждом поле были разделены на несколько разнокачественных полос, притом отдаленных от усадебной оседлости.

После накопления в мирском пользовании некоторого количества новых тягловых участков члены общины, владевшие старыми участками, заявляли свои притязания на неуравнительное положение вновь наделенных тягол и желание передела, на который и получали согласие помещика. Конечно, всякий передел был неприятен и хлопотен для общины. Но во время крепостного права он не представлял еще в нашей местности существенных неудобств, так как крестьянские поля, почти всегда отдаленные от усадеб, ни в одной состоявшей на барщине общине не унаваживались, между тем как помещичьи запашки унаваживались более или менее в нашей местности в течение полусотни лет.

Что же касается имений оброчных, которых было только два в Мураевенской волости (Чернышевская и Нарышкинская общины), и полуброчных, т.е. на смешанной повинности (Ольховская община), то в них при полном отсутствии вмешательства помещика в земельные отношения общины переделы до 1861 г. при *тягловом* способе наделения землею происходили по мирским приговорам, притом довольно часто. Всякий раз, как являлось *новое тягло* без упразднения старого тягла, крестьяне производили коренной передел с ломкою меж, причем удобренные пашни уходили от домохозяев, их удобривших, без всякого вознаграждения⁵. Чернышевской общине удалось отрезать на конце дачи во всех трех полях один полный тягловой запасный участок, который

отдавался временно прибывающему тяглу впредь до упразднения старого тягла или передела и который, следовательно, служил для того, чтобы нелюбимые крестьянами переделы происходили несколько реже.

Вот в каком положении находилось пользование землею в общинах Мураевенской волости при введении в действие Уставных грамот, определенных Положением 19 февр. 1861 года. Уставные грамоты, как известно, изменяли количество надела лишь в трех случаях: если надел этот превосходил высший размер надела, определенный Положением (для Данковского уезда $2\frac{3}{4}$ дес. на душу); если у помещика оставалось в непосредственном пользовании менее $\frac{1}{2}$ всего пространства земли его имения, и, наконец, если крестьяне добровольно, по соглашению с помещиком, шли на уменьшенный надел. В Мураевенской волости во время приведения в действие Положения 19 февр. 1861 г. в 1861 – 63 годах первая причина вызвала изменения состава надела только в одной общине (Чернышевской), вторая – в трех (Заболотской, Ольховской, Подольховской) и третья – в одной (Бабинской). Но во всех остальных общинах, за исключением одной (Нарышкинской), в которой вся владельческая земля досталась крестьянам, введение уставных грамот вызвало *разверстание угодий* с приурочением новых крестьянских наделов к их усадебной оседлости. Неизбежным последствием всего этого должен был явиться *коренной передел* во всех общинах волости. Крестьяне же, усмотрев, что в Положении 19 февр. 1861 г. и в уставных грамотах как расчет высших наделов, так и исчисления натуральных и денежных повинностей основаны не на тягловой, а на душевой единице, свободно, единогласно и независимо друг от друга во всех общинах приняли вместо тягловой душевую единицу за основание земельного надела и решили наделить каждый двор по числу заключающихся в нем ревизских душ, хотя Положение 19 февр. 1861 г. не возбраняло им делить свои наделные земли по своему усмотрению и, собственно говоря, никто не препятствовал крестьянам остаться при прежних тягловых наделах, что и сделали крестьяне в одной общине соседней волости^{**}.

Душевой надел показался крестьянам с первого же раза более соответствующим их понятиям о справедливости и уравнительности^б разверстки надела между домохозяевами, чем *тягловой*, потому что последний соразмерял количество надела, причитающегося на каждый двор, с количеством *производителей*, а первый, т.е. душевой, с количеством *потребителей*, давая преимущество отцу семейства, отягченному малолетними детьми и не имеющему другой рабочей силы, кроме собственной, перед отцом семейства со взрослыми работниками.

Порядок *коренного передела* или, лучше сказать, *первого распределения* отведенных вновь и закрепленных навсегда за общинами земель между домохозяевами общин по числу душ в их семьях будет изложен в подробности ниже при описании способов пользования различными видами земель (усадебною, полевою, луговою). Здесь же мы считаем полезным ограничиться изложением только некоторых общих фактов, относящихся к этому

^{**} В Алмазовской общине Никольской волости Раненбургского уезда. Впрочем, случай это единственный в четырех южных уездах Рязанской губернии.

первоначальному разделу отведенных по уставным грамотам общинам волости земель, который и был единственным коренным переделом всей полевой и огородной земли с 1861 года.

Раздел по душам и дворам огородной и полевой земли был сделан сходом одних домохозяев, а при отсутствии мужчин во дворе и домохозяек⁷. Безземельные крестьяне допускались на него лишь в том случае, когда дело шло об отводе им *позьмов*, т.е. усадебных мест. Домохозяева все присутствовали на сходе, и только в крайних случаях заменялись старшими за ними в доме, так как даже при обыкновенных сходах допускалось отсутствие только тех домохозяев, которые вовсе не проживали в волости, а случайно отсутствующих обыкновенно было немного. Только что избранные в 1861 г. старосты не оказывали особого влияния на сход. Кроме того, так как общины без всякого соглашения между собою одновременно пришли по отношению к разделу земель к весьма сходным результатам, лишь с теми вариантами, которые вызывались некоторым частным различием в условиях наделения землею каждой общины, то нельзя не заключить, что лица, преследовавшие свои личные интересы, не имели заметного влияния на сход⁸. Даже вполне беспристрастное влияние посредника, введившего уставные грамоты, на раздел земель было ограничено, несмотря на доверие к нему крестьян. Так, например, Мураевенской общине он советовал из земель, оставшихся у крестьян за отказом безземельных и при крепостном праве обращенных в дворовых крестьян (и отчасти отсутствовавших) от земли, составивших для членов общины избыток более чем в 100 дес. свыше высшего надела, предоставленного им владельцем, образовать запасные мирские участки для наделения прибывающего населения, а пока сдавать эти участки в аренду или наймы от мира членам своей общины. Но крестьяне не согласились на это предложение и поделили предоставленный им избыток подушно между всеми дворами общины наравне с другими землями, так что надел крестьян общины вышел не в $2\frac{3}{4}$, а почти в 3 дес. на ревизскую душу.

Для разверстки земли особых делильщиков не выбиралось. Делал разверстку сам мир. Мерили и нарезывали полосы члены общины, знающие это дело, без всякого вознаграждения. Но когда в том была необходимость или возникали сомнения в верности обмера, то призывались межевщики за мирское вознаграждение. Полосы в полях и на огородах измерялись саженьями⁹, которые имелись у некоторых крестьян волости.

Поземельною мерою, существовавшей у крестьян Мураевенской волости, служили десятины, на которые все полевые земли были весьма правильно разбиты владельцами еще при крепостном праве. В одних общинах земли были разбиты на казенные десятины (тридцатки), а в других – на хозяйственные (сороковые). Эта готовая разбивка земель была удержана крестьянами. Рассевом или мерою зернового хлеба крестьяне у нас земли никогда не мерили. С полудесятинами, осминниками крестьяне были знакомы; к безошибочному разделению десятин и даже не совсем правильных фигур на полосы они привыкли и даже умели выравнивать шириною – полосами неравной длины.

Многие общины для распределения полос делились предварительно на десятки, осьмерики и даже пятнадцатерики. Дворы в подобные отделы собирались по взаимному уговору, причем главное соображение заключалось в составлении полных десятков или полных осьмериков, т.е. чтобы один двор не находился в двух группах. Такие группы неизбежно оставались неизменными при отсутствии в нашей местности переделов.

Вообще говоря, со времени введения уставных грамот ни одна община Мураевенской волости никаких *общих переделов* не производила: ни *коренных*, сопряженных с изменением меж, ни *общих периодических* или *непериодических* обмен полос по жеребью (*пережеребьевок*), ни *перевеерсток* между дворами по случаю изменившихся составов дворов (т.е. по наличным душам), если не признать переделом наделения вновь и на новых местах в 1869 году Федоровской, Мураевенской общины, которая, вследствие открытия в землях ее надела каменноугольных залежей, по соглашению с владельцем с высшего надела (2 $\frac{3}{4}$ дес.) пошла на уменьшенный (в 1 дес. на душу), который был ей отведен вновь и на новых местах и разделен ею совершенно на тех же основаниях и тем же порядком как первоначальный надел 1862 года. Даже частных (местных) переделов был за 17 лет только один случай в Мураевенской волости, в одной общине, все члены которой признали первоначальное разделение неудобным и переделали одну часть одного из трех полей. К случаю этому мы возвратимся ниже.

Подобный же случай передела одной части (кона или жеребья одного поля) полевой и части усадебной земли произошел в Алмазовской общине соседней Никольской волости и был вызван следующим обстоятельством. После происшедшего в деревне пожара, истребившего часть деревни, местное земство заставило крестьян перепланировать селение по требованиям строительного устава, что имело последствием новую нарезку усадебных земель и передел некоторой части усадебных земель общины, причем занято было под усадебную оседлость часть одного кона одного из трех полей. Таким образом, в этом коне целые полосы многих домохозяев ушли под усадебную оседлость других, и мир решился сделать коренной передел всего ближайшего к усадьбам кона одного поля с ломкою гривок, отделяющих одну полосу от другой, и с изменением ширины всех полос в этом коне.

При отсутствии переделов никому из вырастающих крестьян, ни холостому, ни женатому, не дается доли мирской земли и не прекращается право пользования землею за умерших. Одним словом, пользуется землею двор, в полном составе наделенный первоначально по количеству ревизских душ, а дележи между дворами не выходят из предела надела каждого двора.

Право обмена полос по добровольному взаимному соглашению двух или более домохозяев как существовало при первоначальном наделении, так существует и ныне, и пользуются ими домохозяева в достаточном объеме, так что некоторым из 5 полос в одном поле удалось путем обмена сделать две.

Крестьяне Мураевенской волости никогда не отмечают своих полос особыми знаками, а превосходно знают их на память. Самовольного запахивания чужих

полос и вообще нарушения меж ни в одной общине Мураевенской волости между членами общины *не было ни разу*, и вообще никаких тяжб и споров между членами одной и той же общины, истекающих из поземельных отношений, не выходило, за исключением, впрочем, споров о *позьмах*, т.е. местах под строениями и их дворами, где споры при тесноте усадебных мест выходят при каждом новом сооружении крестьянских дворов, а также за исключением разделов земель при выделах.

Несмотря на тщательные и многолетние расспросы при многолетних разъездах в окрестной местности, я ни разу не встречал случаев общих переделов надельных земель с 1861 года; но в 1879 году я попал на один характерный случай в одной из общин одной из соседних волостей, в которой чуть-чуть не произошло общего коренного передела всего крестьянского надела. Случай этот интересен потому, что уясняет взгляд крестьян местности на переделы.

Община при составлении уставной грамоты вздумала поделить свои надельные земли между дворами не по числу находящихся в них душ, а по числу наличных *тягол*. Разделила она земли, впрочем, на душевые наделы и полоски, но так как число душевых наделов ровно вдвое превышало количество тягол, то она наделила каждое тягло каждого двора двумя душевыми участками. Таким образом, из двух дворов, заключающих в себе по 6 ревизских душ и долженствующих получить по 6 душевых наделов каждый, если бы община придержалась, как все соседние системы, душевого надела, в одном случилось 4 тягла, а в другом два, и первый получил 8 душевых участков, а второй четыре.

Прошло 18 лет, и, несмотря на совершенное изменение в составе тягол, дворы общины не переделывали своих наделов; первый из приведенных дворов пользовался по-прежнему 8-ю душевыми участками, второй – 4-мя. Но домохозяину последнего двора, для которого душевой надел был выгоднее тяглового, вздумалось потребовать от мiра 6 душевых участков вместо 4-х. Мiр отказал домохозяину, потому что удовлетворение его просьбы повлекло бы за собою полный общий передел земли между дворами по ревизским душам. Крестьянин жаловался в волостной суд, а затем в Уездное по крестьянским делам Присутствие. При этой частной жалобе возникло следующее недоразумение. В местной практике встречаются довольно часто следующие случаи: домохозяин отказывается временно от части душевых наделов, находящихся в пользовании его двора, и передает их в распоряжение мiра. При значительной ценности наших земель мiр никогда не затрудняется принятием таких участков со всеми лежащими на них повинностями в свое распоряжение. Желая снять такие участки весьма много, и лица, распоряжающиеся их сдачею, извлекают из этой сдачи некоторые выгоды для мiра, а иногда и для себя. Но на сдачу эту мiр всегда смотрит как на временную, и, когда домохозяин требует свои душевые наделы назад, они ему возвращаются, хотя всегда с большими или меньшими проволочками, смотря по условиям, на которых участок был сдан временно его снявшему, всегда неохотно расстающемуся со снятым участком. Эти-то проволочки порождают довольно многочисленные

тяжбы, разбираемые волостными судами, а в случае неисполнения приговоров волостных судов сельским начальством дела доходят и до Уездного присутствия.

В данном случае волостной суд, полагая, что он имел дело с подобным обстоятельством, решил его в пользу истца, но так как мир не выполнил постановления суда, то дело перешло в Уездное Присутствие, которое отнесло его к категории обычных тяжб упомянутого рода и утвердило приговор волостного суда.

Крестьяне общины собрались на сход. Привести в исполнение решение Уездного по крестьянским делам Присутствия не было возможности без общего передела земель между дворами и перехода от одной единицы (тягловой) к другой (душевой), так как все домохозяева, находящиеся в одинаковом с истцом условиях (т.е. имевшие по ревизии более душ, чем они получили по количеству тягол душевых участков), требовали и для себя того, что было присуждено в пользу одного из них. Спорам не было конца. Огромным большинством мир снова не согласился на передел и постановил предоставить дело со всеми объяснениями снова в Уездное Присутствие и только в случае отказа его в ходатайстве мира произвести передел, но не по *наличным душам*, а по *душам ревизским*.

Только тогда Уездное Присутствие, игнорировавшее возможность редкого случая раздела земель не по душам, а по тяглам, не оставившего по себе никакого *письменного следа* (приговор мира о тягловом разделе нигде записан не был), не согласилось с частным решением волостного суда, которое было отменено в узаконенном порядке, а крестьянам общины было предоставлено право переделить свои земли или не переделывать их по новому мирскому приговору. Мир обсуживал вопрос о переделе в четвертый раз и на него не согласился, и каждый двор остался при своем прежнем наделе.

Таким образом, местные крестьяне относятся пока очень консервативно к наделению землею, как оно было сделано при введении уставных грамот, но затем трудно сказать, вызовет ли новая народная перепись, с производством которой исчезнут, во всяком случае, прежние ревизские души, общий передел земель между домохозяевами общин или нет.

Я имел случай ознакомиться по этому предмету с мнениями множества крестьян и прихожу к заключению, что какого-либо установившегося взгляда по этому делу у них еще вовсе не существует. Несомненно, они ждут разрешения вопроса о том, следует ли после новой переписи каждому двору владеть по-прежнему или переделить землю по дворам по числу душ новой переписи от правительственной власти. Но если бы правительство настояло на том, что каждая община должна разрешить вопрос о переделе самостоятельно, то крестьяне сами не берутся предсказывать, пойдут ли они на передел или нет, и осторожно высказываются, что решение их по этому предмету в значительной мере обуславливается решениями правительства по повинностным вопросам, из которых самым важным представляется то, будут ли взиматься подушные подати с каждого двора по душам новой переписи или души новой переписи утратят всякое повинностное значение. Притом же крестьяне с прошлого года все знают о предстоящей отмене подушной подати, но вовсе еще не знакомы с

системою тех податей, которыми будет заменена подушная подать, и очень интересуются скорейшим разрешением этого столь существенного для них вопроса, которое останется не без влияния на порядок пользования крестьянскими общинами надельною их землею¹⁰.

IV. Порядок пользования усадебными землями

Порядок *пользования усадебными землями* находится в такой тесной зависимости от размещения и планировки селений, что для его уразумения необходимо прежде всего ознакомиться с размещением селений волости.

В нашей местности население любит тесниться вдоль рек, а за неимением их, по крайней мере, вдоль речных, ныне сухих посреди лета русл, по которым скатываются в реки вешние воды, и где, следовательно, каждое селение может устроить плотины, удерживающие эти воды и образующиеся из них один или несколько длинных и имеющих подобие реки прудов. В сухих междуречных пространствах население селиться не любит, а если было поселено когда-либо поневоле, то селилось только в таких местностях, где есть ложбина, на которой можно было выкопать пруд или, по крайней мере, не слишком глубокие колодцы. Последнее встречается в нашей местности весьма редко, потому что междуречные пространства имеют значительное возвышение над речными долинами, которые богаты так называемыми родниками или естественными ключами чистой воды, пробивающимися на дне долины, вследствие чего водный слой в междуречных пространствах лежит очень глубоко под почвою.

В Мураевенской волости из 14 селений 10 расположены в долине реки Рановы и только 4 вне этой долины на лощинах, в нее впадающих. Эти последние 4 селения не более как выселки из Рановских селений, образовавшиеся отчасти вследствие происходившего в 1840 годах в нашей местности специального межевания.

До специального межевания дачи владельцев были до крайности чересполосны, что очень неблагоприятно отражалось на сельском хозяйстве как помещиков, так и крестьян. Специальное межевание поставило себе непременною задачею приурочить владельческие дачи к их селениям, вследствие чего пришлось нарезать дачи более или менее узкими полосками, *холстами*, по местному выражению, так что один конец дачи с поселком упирался в реку, а другой уходил на несколько верст в междуречное пространство. Но при всей узости этих дач ширина их должна была быть достаточна для удобного ведения трехпольного хозяйства, а потому невозможно было разверстать земли между землевладельцами иначе, как при помощи выселения некоторых мелких владельцев с их деревнями на образуемые вдали от реки отдельные дачи или выделения части земли более крупных владельцев в отдельные несмежные с их главным землевладением пустоши, на которых владельцы по своим хозяйственным соображениям образовали хутора или, лучше сказать, выселки из главных селений.

Планировка селений в Мураевенской волости, как и во всей нашей местности, довольно однообразна. Почти все селения, за исключением самых крупных, вытянуты в одну линию, параллельную ложбине реки или ложине, ее заменяющей, но несколько отдаленной от русла реки или поймы пруда. По этой линии дворы размещены чаще в один только ряд, повернутый то спиной к реке, то лицом к ней, а реже в два ряда, образующие параллельную с рекою улицу. Замечательно, что в этом последнем случае один из рядов, составляющих улицу, состоит из сплошных дворов, а другой из дворов, разделенных широкими промежутками: очевидно, что второй ряд образовался выселкою из первого тех дворов, которым надо было поместиться на наследственном позьме и которые поневоле переходили на противоположную сторону улицы, становясь всегда на своей земле против двора, из которого они выделились, если община не могла отвести им нового места в общем ряду на конце селения.

Таким образом, в большинстве случаев все дворовые места селения образуют на плане неширокую полосу, параллельную ложбине реки и проходящую в некотором от нее отдалении. Промежуток между этою полосой и руслом реки, иногда весьма широкий, занят остальными усадебными угодьями, а именно огуменниками, огородами, конопляниками, капустниками и изредка отчасти древесными и садовыми насаждениями и пасаками. Когда полоса дворовых мест пересекается улицею или когда пространство между нею и рекою недостаточно широко, то и выше ее проходит иногда полоса усадебных угодий, известная под именем верхних огородов; но замечательно, что в таком случае эти верхние огороды не составляют исключительной принадлежности дворов того порядка, к которому прилегают, но каждый двор имеет участие и в нижних, и в верхних огородах. Так было при крепостном праве, так это и ныне.

Несколько иначе расположены более крупные селения, к которым принадлежат в Мураевенской волости села Мураевня и Заболотское. Здесь дворы расположены рядами или улицами, как бы расплзающимися от обширной площади, на которой находятся церковь и старинное кладбище, служившее в прежние времена погостом, а ныне базарною площадью. Эти разделенные между собою площадью и не находящиеся ни в смежности, ни в непосредственной связи полосы дворовых мест называются *концами* (они даже иногда носят названия, особые от общего собирательного имени селения). Кроме концов встречаются еще отдельные группы или, лучше сказать, полосы дворовых мест, которые можно назвать приселками; они отделены от селения каким-либо промежутком, например, помещичьею усадьбою или садом, широким оврагом, кладбищем или пустырем. Если на каждый конец или приселок, входящий в состав большого селения, смотреть как на особый поселок, то в планировке своей он ничем не отличается от небольших отдельных селений, а именно: дворовые места точно так же расположены в нем либо в один ряд, либо улицею в два, а огороды широкими полосами, то по одну приречную сторону линии или улицы дворовых мест, то по обе ее стороны. Вся разница с отдельными селениями заключается в том, что конец расположен не всегда параллельно руслу реки, а иногда тянется вдоль впадающей в него при селении ложбины, а иногда и направлен перпендикулярно к реке, поднимаясь

вверх ската долины в сухую даль вдоль дороги, пересекающей реку под прямым углом. Замечательно, что в таких улицах, перпендикулярных к реке, оба ряда или порядка, из которых состоит улица, одинаково застроены более или менее сплошными дворами и, очевидно, произошли одновременно.

Так расположены были селения уже до освобождения крестьян, причем распланирование их было сделано помещиком или лицом, его заменявшим, по его усмотрению, большею частью еще до Строительного устава¹¹, а если и после, то не всегда в строгом соответствии с его требованиями. При этом, конечно, нельзя было ожидать какого бы то ни было соотношения между длиной, занимаемой по улице дворовым местом и силою двора, измерявшеюся в то время количеством в нем тягол, тем более что количество это представляло величину переменную, а длина линии позьма по улице, по самому свойству может быть только величиною неизменяющеюся, пока строения, входящие в состав двора, существуют.

Вновь возникающие дворы обыкновенно вытягивались в одну линию по ряду дворовых мест или улице, и селение растягивалось до встречи каких бы то ни было естественных и других препятствий. После такой встречи, если дворы были расположены в одном ряду, по местному выражению – в одном порядке, строился другой порядок, образовывавший с первым улицу. При пополнении улицы и при невозможности продолжать селение в длину строился новый конец или приселок. Огородные земли были разделены по тяглам параллельными полосками от заднего фаса дворовых мест к реке, а в верхней части огорода продолжением этих полосок к линии, ограничивающей верхнюю огородную полосу со стороны выгона или поля. При этом, как было упомянуто выше, каждый двор имел непременно свою полосу как в верхнем, так и в нижнем огороде, что вполне соответствовало понятиям крестьян об уравнительности разверстки земли, так как огородная земля почитается у нас тем более ценною, чем ближе она к пойму реки. Помещики во владение крестьянами огородною землею почти никогда не вмешивались, предоставляя по отношению к ее разверстке и пользованию полную свободу крестьянской общине.

В среде последней, насколько помнят старожилы, при крепостном праве никаких общих переделов в усадебной земле (позьмах) не было, за исключением тех случаев, когда помещик по каким бы то ни было соображениям перепланировывал все селение.

Что же касается огородной земли, то она была порезана на тягловые полосы, которые оставались неизменными для дворов, пока у них было одно и то же число тягол. Когда же число это уменьшалось, то освободившаяся тягловая полоса передавалась новому тяглу из другого двора, а при общем увеличении числа тягол во всем селении обыкновенно прирезывались к огородам новые полосы, пока это было возможно. Были ли случаи общего передела усадебной земли, вследствие невозможности увеличения ее за счет выгонов и приусадебных земель, мне неизвестно.

При освобождении крестьян в 1861 г. почти никаких перемен в их усадебной оседлости в Мураевенской волости не произошло, за исключением, как мы упоминали выше, перенесения двух крестьянских дворов по требованию

помещика в Краснослободской общине и приселения к усадебной оседлости Гремяченской общины 8 дворов (превратившихся в 9) Лубянского выселка.

При этом перенесении, явившемся результатом, можно сказать, общинного великодушия¹² домохозяев Гремяченской общины, которые только вдвойне проигрывали от этого перенесения (с одной стороны, стесняя свою усадебную оседлость, с другой – давая приселившимся домохозяевам надел в Гремяченской даче и принимая взамен того часть надела в отдаленной в 5 верстах и превратившейся в пустошь Лубянской даче), постановлено было поселить новых членов на свободном еще конце селения, состоявшего из одного ряда или порядка дворов, и не удлинить линии поселка далее оврага, за которым начинались лучшие части полевого крестьянского надела и ценные поемные луга. Порядок, в коем должны были следовать один за другим приселяемые дворы, был определен жребием; длина линии по фронту дворовых мест была мысленно разделена на число ревизских душ в приселенных дворах; каждый двор получил по линии ширину дворового места, пропорциональную количеству в нем ревизских душ.

Что же касается так называемых *огородных земель* (огороды, конопляники, капустники, места под пасеками и древесными насаждениями), то они подверглись *коренному переделу* при введении в действие уставных грамот, вследствие того что за единицу наделения землею был принят *душевой*, а не тягловый участок. Порядок разверстки новых огородных полос был следующий. Измерялась продольная ось всей огородной площади и рассчитывалась ширина перпендикулярной к ней полосы душевого участка, один конец которого упирается в усадебную оседлость общины, а другой – в русло или пойму реки. Затем нарезывалась для каждого двора полоса, шириною во столько душевых участков, сколько душ во дворе. Само собою, что эти подворные полосы следовали одна за другою в том же самом порядке, в каком поставлены дворы в усадебной линии, а если селение состояло из целой улицы, т.е. двух порядков, то дворы дальнего от реки или ложбины порядка вдвигались в очередь между теми дворами, против которых они расположены. В общинах, коих поселяне состоят из одного порядка или одной улицы, одна разверстка производилась по целой общине, но в больших селениях (как напр. Мураевня и Заболотское), состоящих из отдельных концов и приселков, разверстка огородных земель происходила по каждому концу или приселку отдельно. Вследствие такого порядка разверстание длины дворового места по среднему фасу селения не всегда соответствует ширине огородной полосы, нарезанной для этого двора, и потому, если огородные полосы селения для крайних дворов всегда находятся против дворовых мест, то в средних дворах иногда случается, что огородные полосы несколько продвинуты вправо или влево от своих дворовых мест, что, впрочем, и не представляет особого неудобства.

Никаких переделов после этого вызванного Положением 19 февр. коренного передела ни в огородных, ни в усадебных землях у крестьян, по собственной инициативе, не только не происходило, но и вопроса о переделах сами крестьяне не возбуждали, а, напротив, в такой степени верили в непеределаемость своих усадебных земель, что входили между собою в

различного рода частные сделки по продаже и купле усадебных участков между односельцами и всегда свято соблюдали условия, хотя бы заключенные не в легальном порядке, а в порядке обычного права¹³. Так, весьма часто двор, усилившийся в своем составе и разбогатевший, покупал у своего ослабевшего в составе двора соседа часть его позьма для того, чтобы раздвинуть или расширить свои строения. Так, в Мураевенской общине один выделившийся из двора своего отца крестьянин, сохранив за собою в позьме и усадебной оседлости отца душевой участок, но найдя его слишком тесным для перестройки, купил себе совсем в другом конце села за рекою участок на три души у представителей упраздняющегося двора и поселился там. Так, в Нарышкинской общине возвратившийся со службы солдат прежних времен, т.е. безземельный, купил себе прекрасный усадебный участок под двор и огород у домохозяина, который в нем не нуждался. Чем далее, тем сложнее становятся отношения между соседями – владельцами усадебной земли, тем более капитальных затрат производится домохозяевами на их усадебных участках в строениях, изгородях, древесных насаждениях и пр., а с быстрым развитием кирпичных и каменных строений крепнет застроенная собственность (*propriete batie*) и не подлежит более перенесению, столь характеризовавшему полуоседлые жилища крепостных крестьян, на которые даже законодатель смотрел не более как на барачные помещения рабочего населения, воздвигаемые на земле владельца или казны и из материалов того же владельца и казны, и потому без неудобства могущие быть сдвигаемыми, раздвигаемыми, переносимыми с места на место.

Единственные случаи, при которых после введения уставных грамот были возбуждаемы вопросы о переделах усадебных земель, были случаи таких пожаров, при которых выгорала более или менее значительная часть селения, и в этих случаях инициатива принадлежала всегда либо земским страховым агентам, или вообще представителям земского управления, или же лицам администрации, вмешательство которых в это дело всегда вызывалось желанием, чтобы при возобновлении селений соблюдались правила Строительного устава.

Весьма интересно было собрать сведения об отношении крестьян к подобного рода искусственно вызванным переделам. И, насколько это было возможным, я собрал эти сведения.

Так, в 1867 выгорела вся деревня Зеркала. В то время еще ни земство, ни администрация не настаивали на соблюдении правил Строительного устава, и две общины селения сели на своих местах, не сделав ни малейшего передела ни в своих позьмах (усадебных местах), ни в огородах.

Точно также не было и речи о переделах ни при каких пожарах, истреблявших от 2-х до 4-х дворов волости.

В 1876 году в Федоровско-Мураевенской общине выгорел целый порядок, состоявший из 17 дворов. При этом был возбужден вопрос о переделе дворовых мест агентом земского взаимного страхования с целью раздвинуть порядок дворов для введения в него проулков. Местность позволяла вытянуть одну оконечность поселка, так как порядок тянулся перпендикулярно к реке и

упирался свободным концом в выгон, часть которого могла быть занята. Впрочем, передел дворовых мест не мог быть всеобщим для целого порядка, потому что находившиеся в порядке кирпичные избы уцелели; на них сгорели только соломенные крыши, а хорошо засыпанные потолки и кирпичные стены не только уцелели, но спасли все заключавшееся в избе: домашнюю утварь и птицу. Община было согласилась на передел дворовых мест порядка, за исключением трех каменных дворов, оставленных, разумеется, на своих местах. Измерена была вся линия, составляющая передовой фас продолженного до пределов возможности порядка, вычтены были из нее части, занятые каменными дворами и ширины предположенных проулков, исчислена была ширина линии, соответствующая душевому участку, и даже брошен жребий, в каком новом порядке должны бы сесть 14 включенных в передел дворов. Но после жеребьевки опыт отвода в натуре показал все неудобство передела дворовых мест: когда разочтена была ширина, предоставляемая каждому двору, сообразно с количеством его ревизских душ, то оказалось, что отводимая ширина дворового места не вполне соответствовала действительной потребности или запросу двора; невозможно было уместить в жеребьевой последовательности определенного числа дворов в неподвижные промежутки между уцелевшими каменными дворами и планированными проулками, так как промежутки эти оказывались для жеребьевых дворов то слишком тесными, то слишком просторными, а при невыполнении промежутков вся линия порядка удлинялась далее возможных пределов. Затем некоторые уцелевшие риги и вообще огородные полосы оставались слишком далеко от своих дворовых мест, на передел же огородных полос никак не хотели согласиться домохозяева, так как каждому жалко было расстаться со своею удобренною, иногда засаженною отчасти деревьями полосой, да и притом самые огородные полосы были разнокачественны. Новый отвод в жеребьевом порядке возбудил такой сильный ропот и протест со стороны домохозяев, что община вынуждена была *отменить решенный передел дворовых мест*, и все домохозяева поселились на своих старых пепелищах.

В 1878 и 1879 г. в Мураевенской волости произошел целый ряд пожаров. В селе Заболотском, селениях Ольхах и Подольхах выгорели в шесть пожаров части селений от 8 до 14 дворов подряд. В это время предложение земских агентств и административных властей о перепланировке и застройке выгоревших частей по строительному уставу были очень настойчивы. В двух случаях крестьяне согласились, но не без сильных споров и большого противодействия и неудовольствия на перенесение части дворов на новое, впрочем, весьма удовлетворительное место за реку по жребию. При этом мне известен один случай, в котором один из погоревших крестьян, когда ему по жребию приходилось переходить на новое место, отдал всю полученную им страховую сумму 90 руб. односельцу, получившему по жребию его поземь для того только, чтобы обменяться усадебными участками и остаться на наследственном позьме. Оставшиеся дворы сели по возможности на своих прежних местах, продвинувшись немного для соблюдения промежутков, и

переделили свои огородные земли опять-таки по старым ревизским душам уставной грамоты. Новые нарезали себе таким же порядком свои позьмы и усадебные полосы по старым ревизским душам. Этот частный передел усадебных земель погорельцев не вызвал, разумеется, никакого общего передела усадебных земель в целых общинах. В остальных четырех случаях крестьяне остались на своих позьмах, и никакого передела усадебных земель не делали.

В Мураевенской общине в 1879 г. выгорела крайняя оконечность одного из прирезных концов в числе 9 дворов. Земство и администрация очень настаивали на переделе усадеб между погорельцами и выселении из их порядка трех или четырех дворов. Настояния эти встретили сильнейшую оппозицию со стороны крестьян-погорельцев. В конце концов ни погорельцы не согласились сойти с своих позьмов, ни община не сочла справедливым вынуждать их к тому. Все остались на своих местах и только продвинулись немного, введя, согласно установившемуся обычаю, размерение линии переднего фаса усадебной оседлости по душевым полоскам. Но и это не обошлось без сильных столкновений. Один домохозяин, которому досталась часть позьма другого, собирался ломать основание обгоревшего мазаного плетня, принадлежавшего соседу. Тот объявил ему, что он убьет его, если он только тронет его плетень. Дело кончилось тем, что домохозяин, которому досталось место под плетнем, не воспользовался своим правом, и границы позьмов, по крайней мере, в этом случае, остались по-прежнему. В огородных полосах передела не последовало.

Что же касается *раздела* усадебных участков при разделах дворов, то разделы эти происходят весьма часто. При выделении новых дворов общины придерживаются следующего порядка. Выделившийся двор всегда стараются поместить в пределах усадебной оседлости того двора, из которого двор выделяется, и по возможности на общей линии или порядке дворов общины. При невозможности двор помещается против своего двора, если селение не состоит из улицы, а только из порядков, и мало-помалу выделяющиеся дворы образуют не существовавшую противоположную сторону улицы селения. Наконец, в случае невозможности и с этой стороны выделяющийся двор помещается на заднем проулке, часто отделяющем задний фас дворовых мест от огуменников или огородной земли. Реже вновь возникающие дворы помещаются в существующих в селениях промежутках и излишних даже проулках на выморочных участках, на месте уничтожившихся усадеб и в крайних случаях на конце селения, если предстоит возможность его продолжения.

Что касается выдела огородных мест, то выдел этот производится весьма просто. Если, например, двор в 5 ревизс. душ делится на 2, из коих в один отходит три, а в другой две души, то огородная, положим, в 25 саж. шир. (по 5 саж. на душу) делится так, что первому двору достается полоса в 15, а второму в 10 саж.

V. Порядок пользования полевою землею

Пахотная земля во всех 20 общинах Мураевенской волости разделена на три поля, называемые крестьянами не иначе как полями (озимое, яровое и паровое). В двух только общинах из 20 (Нарышкинской и Чернышевской) поля эти остались в тех же очертаниях, в каких были при крепостном праве. В Нарышкинской потому, что крестьянам по уставной грамоте и дополнительной купле досталось все имение владельца, в Чернышевской потому, что от бывшего их надела отрезан дальний от усадебной оседлости конец поперечною чертою, пересекающею межи трех полей под прямым углом, и, следовательно, для оставшейся в крестьянском наделе и правильно и поровну разбитой на три поля земли не представилось надобности в перемене полей. Во всех остальных 18 общинах произошла новая разверстка полученной на новых местах в надел полевой земли на три поля. При этом, так как полученная в надел крестьянами полевая земля была издавна правильно разбита межниками на отделенные одна от другой крепкими, заросшими травю десятины, в одних имениях казенной меры (80 саж. дл. и 30 шир.), то крестьяне, не изменяя нисколько существовавшей разбивки земли на десятины, разверстали все имевшиеся в их наделе десятины, пашни на три поля, и при том так, чтобы каждое поле было по возможности приурочено к усадьбам и тянулось от сих последних сплошною нераздельною полосою для удобного прогона скота. Только в одной общине, Гремяченской, каждое из трех крестьянских полей находится в двух несмежных кусках, так как и крестьянский надел разбит на две смежные дачи, из коих одна прилегает к селению, а другая находится в отдельной Лубянской пустоши, в 5 верстах от селения. Все три поля во всех общинах образованы приблизительно из равного количества десятин, но в некоторых общинах случилось, что для удобств разверстки и разграничения одно поле на одну, две или три десятины больше или меньше остальных двух полей. При разверстке трех полей в 1861 – 63 г. крестьянам приходилось для приведения их в нынешний вид переводить десятины из одного поля в другое и иногда сеять хлеб по хлебу, но с тех пор поля уже ни разу ни в одной общине не изменялись в их границах. Только в Федоровской общине в 1869 г. с переменою надела, отведенного в уменьшенном размере и на новых местах, произошло деление нового надела на три поля вновь.

Во всех 20 общинах каждое поле разделено на три части или, по местному выражению, *жеребьи* (мы назовем их, как в программе, *конами*). Разделение это имеет целью достичь возможной уравнительности в распределении земель между крестьянами, а именно дать каждому домохозяину участие в ближних, средних и дальних полях, а также в разнокачественных по почве участках.

При достаточном однообразии хорошей черноземной почвы в крестьянских наделах и при существующих очертаниях крестьянских наделных земель, большею частию тянувшихся от усадебной оседлости крестьян довольно узкими полосами в сухую даль, на первом плане при разделении полей на *коны* стояло соображение о близости или отдаленности полей от крестьянских усадеб, имеющем большое значение в крестьянском хозяйстве при уборке хлеба и вывозе удобрения.

Поэтому, если бы земля, составляющая поле, была совершенно однородна по качеству почвы, то крестьяне разделили бы ее на жеребьи, руководствуясь исключительно ее большею или меньшею близостью к усадьбам и приняв для определения размера жеребья (т.е. количества десятин его составляющих) какую-нибудь удобную и простую арифметическую комбинацию. Какого рода эти арифметические комбинации, мы поясним, представив в пример, как делили на конь три свои поля следующие общины. В Гремяченской общине было 96 душ; цифра эта делится на 8 без остатка, а на 8 душевых участков удобно делится десятина, имеющая 80 саж. длины. Потому, помещая 8 душевых участков на сороковую десятину, нужно на все 96 душ 12 десятин. Вот и удобный размер кона. Для одного кона было взято 12 дес., ближайших к усадьбам, для другого еще 12 дес. более отдаленных, для третьего 12 дес. самых отдаленных. У крестьян Гремяченской общины по 50 сороковых десятин в поле, из которых десятин по 34 в главной даче и по 16 в пустоши. Крестьяне, разумеется, сообразили, что из главной дачи можно выделить один ближний и один дальний жеребий (по 12 дес. каждый), из которых в каждом все десятины будут однокачественны, да в пустоши один жеребий (из 12 же дес.), самый дальний, с однокачественными десятинами. Назовем эти три равные по величине своей кона *основными*. Но от этих основных конов осталось в Гремяченской даче по 8 дес., а в Лубянской пустоши 4 дес., из коих нужно было сделать дополнительные, более мелкие конь. В Лубянской пустоши приезде одинаково хорошей равнокачественной почве из 4 оставшихся десятин сделан был один дополнительный конь. В Гремяченской даче пришлось, по различным соображениям, из оставшихся 8 дес. сделать более одного дополнительного кона. Так, из двух смежных с выгоном десятин составлен небольшой дополнительный конь на том основании, что десятины эти выбиваются скотом и страдают от потрав, а такие убытки должны выпадать на долю каждого домохозяина, а потому каждый домохозяин получил в этом коне полосу, непременно начинающуюся от выгона и идущую перпендикулярно к границе выгона с полевою землею. Другой дополнительный конь был образован из земель, ближайших к лесистому оврагу, имеющих глинистую почву и сравнительно менее плодородных. Третий конь сделан был из остатка, но и здесь случилось, что в ином поле в этом остатке нашлась между разбитыми десятинами, где-нибудь в углу поля не прямоугольная, а неправильная геометрическая фигура, размером превосходящая десятину. Из этой неправильной фигуры по неудобству ее разбивки на душевые участки составлен отдельный конь. В конце концов в двух полях образовано было по 8 конов, а в одном семь. Затем, уже впоследствии, в Лубянской пустоши вдоль неглубокой и пологой лощины была поднята новь. На первое пятилетие она была сдана миром за деньги нескольким зажиточным крестьянам из своей общины, а затем составляет в каждом из трех полей, к которым прилегает, еще один дополнительный конь.

В Давлетьевской общине было 70 душ. Число это без остатка делится на 10, а 10 душевых полосок удобно помещаются на десятина, имеющей 80 саж. длины.

Потому на каждый основной кон пришлось $\frac{70}{10}$, т.е. 7 дес. Так как у крестьян полевой земли по 35 дес. (казенной меры) в поле, то поле с удобством и без остатка делится на 5 конов. Так это и было сделано с одним однокачественным полем. Но в каждом из двух остальных полей оказалось небольшое пространство с худшею почвою, да в эти же поля попала новь, распаханная крестьянами из лесной заросли. Таким образом, в этих двух полях община должна была ограничиться четырьмя основными конами и сделать три дополнительных кона: один из участка худшего качества, другой – из новного, третий – из оставшегося обрезка, и в конце концов вышло в одном поле 5 конов, а в двух по семи.

В Мураевенской общине число душ было 232. Цифра эта делится без остатка на 8, а восемь душевых полос удобно помещаются на десятине. Следовательно, основной кон образовался из $\frac{232}{8}$, т.е. 29 десятин. Так как в каждом поле у крестьян общины было по 188 дес. казенной меры (земля разбита на тридцатые десятины), то из этого количества в двух полях и было образовано по 6 основных конов, на которые пошло 174 дес., а из остальных 14 дес. образован дополнительный кон. Но в третьем поле оказался участок худшей земли, из которого был образован отдельный кон, да один кон из обрезка, так что в этом поле пришлось уже два дополнительных кона, и в конце концов в двух полях образовано по семи, а в одном 8 конов.

В Нарышкинской общине было 75 душ. Если разделить эту цифру без остатка на 3, получится 25, а 25 душевых полос крестьяне нашли удобным поместить на двух смежных десятинах, так что число основных конов вышло $(75 \times 2) : 25$ – что составит по 6 десятин в коне. Из полей Нарышкинской общины в одном 60 дес., в другом 66, а в третьем 73^{***}. В первом уместилось как раз 10 основных конов, во втором 11, в третьем попались земли худшего качества, из коих сделаны два дополнительных кона, да один из обрезка, вследствие чего в третьем поле вышло 11 основных и 3 дополнительных кона, а всего 14. Земля, приобретенная крестьянами в собственность сверх надела, образовала в каждом поле еще один кон. В Чернышевской общине 43 души. Эта цифра не состоит из множителей и без остатка ни на что не делится, а следовательно, удобной арифметической комбинации не представляла. Между тем крестьянские полевые десятины (казенной меры) расположены от выгона и усадебной оседлости в каждом поле попарно короткими фасадами к выгону, а длинными вдоль длины дачи. В каждом поле 36 дес., а так как они расположены попарно, то по длине поля идут только 18 дес., так что при 80 саж. длина их составит $18 \times 80 = 1440$ саж. Община решила нарезать участки поперек десятин на пролет 2-х десятин в 5 саж. на душевую полосу так, чтобы каждая душевая полоса имела 5 саж. шир. при 60 саж. длины (так как длина ее идет поперек двух тридцатых десятин). На 43 души потребовалось $43 \times 5 = 215$ саж. по длине дачи, что и составило первый основной кон, столько же саженов на второй кон и т.д. Основных конов образовалось

^{***} Эта неравномерность деления произошла от того, что крестьяне оставили то разграничение полей, какое было при крепостном праве, а отрезок свыше высшего надела, купленный ими по частной сделке у помещика, неравномерно распределялся между равными в совокупности тремя полями. Отрезок же этот был поделен крестьянами особо.

столько, сколько 215 саж. содержится в 1440, т.е. шесть; остаток образовал 7-й дополнительный кон. Но в одном поле оказался участок худшей почвы. Из него сделан особый дополнительный кон, так что в одном поле вышло 8 конов. Затем впоследствии распашана часть обширного прилежащего к усадьбе выгона. Новь, согласно обычаю, была сдана миром за плату нанимателю из односельцев на несколько лет, а впоследствии образует особый кон.

Таким образом, в большинстве общин Мураевенской волости каждое поле включает в себе обыкновенно от 5 до 15 конов, но общины, имеющие 1 дес. на душу надела, составляют исключение. Надел этот обыкновенно так близок к усадьбам и настолько однокачествен, что крестьяне образуют из него два кона: один *основной*, по какой бы то ни было арифметической комбинации, а другой дополнительный, из остатка от этой комбинации. И только если в каком-либо поле есть участок земли худшего качества, то из него делается еще один дополнительный кон. Таким образом, в Федоровской общине в двух полях по два кона, в третьем три, в Бабинской в одном поле два кона, в двух по три.

Приведенных фактов достаточно, чтобы вникнуть во все соображения, которыми крестьяне руководились при делении каждого из своих полей на конья. Соображения эти сводятся к следующему:

1) Большая или меньшая отдаленность от усадебной оседлости, причем необходимо, чтобы каждый домохозяин имел равномерное участие во всех разрядах земель, образованных по их отдалению.

2) Арифметическая комбинация, облегчающая нарезку в натуре каждому двору причитающегося ему числа душевых полос.

3) Качество почвы, заставляющее выделять в отдельные конья участки земли исключительно худшего или лучшего качества против остальных.

4) Доступность для потравы, заставляющая выделять в особые конья земли, постоянно подвергающиеся потраве и заставляющие нарезать в них все душевые полоски, начиная от рубежа, открытого для потравы.

5) Неправильность очертания некоторых обрезков не в десятины, а в прямоугольные фигуры, вынуждающие крестьян делать из этих обрезков особые конья.

6) Несмежность некоторых участков полевой земли с остальными полями. Само собою разумеется, что из таких отдельных от остальной полевой земли небольших дач образуются самостоятельные конья.

7) Особое отношение крестьян к какому бы то ни было из земельных участков их душевого надела. Так, например, в общине Нарышкинской участок, купленный крестьянами сверх надела, составил особый кон в каждом поле; в общинах Гремяченской, Давлетьевской, Чернышевской, Краснослободской из участков, распашанных впоследствии из-под лесных зарослей, образованы также отдельные конья.

Что же касается очертания этих конов, то, так как они образуются почти всегда из определенного количества цельных десятин, а в редких случаях из прямоугольных частей одной десятины, то очертание их всегда имеет форму, близкую к форме прямоугольного четырехугольника, и только в некоторых

дополнительных конах имеют очертание неправильных фигур, ограниченных все-таки преимущественно прямолинейными межами.

Как уже сказано выше, нынешнее разделение полей на коны было сделано в 19 общинах волости при введении уставных грамот, а в Федоровской общине в 1869 году, т.е. при отводе ей нового уменьшенного надела на новых местах. Случай изменения конов в одном поле, насколько мне известно, был с тех пор только один во всей волости, а именно в Гремяченской общине, где одно из трех полей Гремяченской дачи столь качественно и расположено в форме широкого треугольника так близко от усадебной оседлости крестьян, что крестьяне вместо трех конов, на которые они первоначально подразделили это поле, сделали из него уже в начале 1870-х г. по мирскому приговору один кон, причем произошел в $\frac{1}{5}$ части полевого надела общины единственный в волости передел, который, как будет объяснено ниже, я называю *местным*.

Поля и коны разделяются между собою всегда такими межниками, какие существуют в нашей местности, где вся полевая земля еще при крепостном праве весьма правильно была планирована и разбита на десятины, в одних имениях сороковой, а в другой тридцатой меры; крестьяне этих меж никогда не изменяют, а при разделении поля на коны очень хорошо помнят, какая межа принята ими за границу кона. В тех же редких случаях, где, как в Чернышевской общине, граница кона не совпадает с отделяющею десятины межою, крестьяне новой межи не сделали, а оставили только такую точно гривку, какою они отделяют подворные свои полоски, расположенные на одной и той же десятине.

Межи, разделяющие одно поле от другого, настолько широки, что по ним свободно можно проехать в телеге и тарантасе, но по межам, разделяющим десятины, проехать с сохою можно, а в телеге несколько тесно, хотя все-таки возможно; по гривкам же проехать нельзя, и каждый крестьянин, заезжающий с главной межи на свою полосу, едет по самому полю.

Чтобы дополнить картину первоначального раздела крестьянами полевой земли между домохозяевами при введении уставных грамот, необходимо нам еще сказать несколько слов о том, как отводились в натуре на каждый двор причитающиеся ему по числу в нем ревизских душ полосы полевой земли.

Само собою разумеется, что нарезка причитающегося каждому двору числа душевых полосок происходила по каждому кону каждого поля отдельно, другими словами, каждый домохозяин получил свою полосу непременно в каждом коне и притом душевые полосы его двора в одном и том же коне были нарезаны в совокупности, подряд, а не в разбивку, не вперемежку с душевыми участками других дворов.

Потому во всех конах, в которых каждая десятина или каждые две десятины делились на определенное число душевых полос, для каждой десятины или двух десятин подбирались столько домохозяев, чтобы совокупность числа душ в их дворах составляла то число душевых участков, на которые делилась бы одна или две десятины, а затем на всю совокупность домохозяев, помещенных на одной десятине, или в другом случае на двух десятинах давалась одна жеребьевая полоска. Жеребьевкой определялось, какая группа домохозяев получит

8-ю десятину, какая 2-ю и т.д., или какая группа получит первые две, какая вторые две. Затем определяли также жеребьем или соглашением, кто между домохозяевами одной и той же десятинной или двухдесятинной группы следует за другим, и наконец отводилась по очереди жеребья или по соглашению каждому домохозяину полоса шириною по длине измеряемого фаса, соответствующая числу душ. Так, например, в Мураевенской общине на одну тридцатую десятину пришлось три домохозяина, из коих один имеет во дворе 4 души, другой 3 души, третий одну душу. Первому отмеряется полоса в 40 саж. шир., второму – в 30, третьему – в 10. В Нарышкинской общине на двух десятинах 8 домохозяев, один в 5 душ, два по 4, два по 3, три по 2; первому домохозяину отмеряется полоса в 32 саж., двум по 25,6 саж., двум по 19,2 саж., трем по 12,8 саж. В тех же случаях, в которых каждое поле делилось на коны без соображения отношения числа десятин каждого кона с числом ревизских душ в обществе, как, например, в Чернышевской общине и самый кон не был очерчен заранее, а составлялся из душевых полосок заранее определенной ширины (5 саженой в Чернышевской общине), идущих поперек всего поля, то бросали жребий только порядка, в котором должен был следовать один двор за другим, а каждому двору отмеривалась полоса, соответствующая количеству в нем ревизских душ, например, двору в 3 души – 15 саж., двору в 7 душ – 21 саж. По нарезке всем дворам таких полос, когда кон заканчивался, начинался новый жребий, и вот почему в нашей местности коны называются жеребьями. Так было в основных конах. В дополнительных же вообще приходилось измерять длину прямоугольника, образующего кон, делить эту длину на число душ, и таким образом определять ширину душевой полоски в кон, а затем отводить дворам полоски объясненным уже порядком.

Таким образом, во всех общинах волости каждый двор получил столько полос, на сколько жеребьев разделено каждое поле, т.е. от 3 до 14 полос, а во всех трех полях от 9 до 42. Полосы эти нарезаны преимущественно поперек десятин, на которые разбиты крестьянские поля, хотя случается по каким бы то ни было частным соображениям, что полосы нарезаются и вдоль десятин, но такая нарезка считается неудобною, потому что она дает слишком узкие полосы.

Следовательно, преобладающая длина душевых полос при 30-х десятинах – тридцать сажень, при 40-вых – сорок саженой, а если полосы, как в Чернышевской общине, идут поперек двух десятин – 60 саж., а преобладающая ширина от 5 до 10 саж., хотя в дополнительных конах эта ширина и еще менее значительна, и иногда понижается до 2-х и даже менее сажень, что, впрочем, вознаграждается тем, что в большинстве случаев двор имеет две и более смежные душевые полосы. Между собою подворные полосы разделяются узкими гривками, оставляемыми при распашке и никогда не запахиваемыми. Эти гривки настолько узки, что по ним проехать не только телега, но и соха не может, а потому крестьяне ходят на свои полосы отчасти по продольным межам, разделяющим между собою три крестьянские поля и всегда довольно широким, отчасти по обыкновенным межникам между разбитыми десятинами, которые, впрочем, довольно узки, но всего более прямо целиком через поле,

проезд по которому облегчается тем, что крестьяне пригоняют всегда и непременно отдельные полевые работы общины к одному времени.

Для выяснения вопроса о том, были или не были *переделы* в волости, необходимо прежде всего объяснить, что следует понимать под словом *передел* и какого рода существуют и могут существовать переделы в общинных землях.

Коренным основанием раздела земли в общине служит, разумеется, количество единиц, на которые земля делится. Это количество единиц и определяет собою размер относимого к каждой единице земельного участка. Если община решается, разумеется, по мирскому приговору, изменить количество единиц, на которое она первоначально поделила землю, а вместе с тем неизбежно и размер каждого соответствующего этой единице земельного участка, то происходит коренной передел всех полевых земель общины. При бывшей в нашей местности до 1861 года тягловой системе надела, если бы она уцелела, частые коренные переделы были бы неизбежны. Они должны были происходить во все те годы, в которые число вновь наложенных тягол превосходило бы число снятых с некоторых членов общины (по старости или неспособности к труду тягол), что при нормальном росте населения должно происходить почти ежегодно и не происходило так часто при крепостном праве лишь потому, что помещики наделяли прибылые тягла из своих земельных запасов или убирали нарастающие тягла вовсе из своих имений.

При такой же системе надела *по душам ревизии*, который был принят во всех общинах волости, во всей нашей местности никакой необходимости в коренном переделе крестьянам не представлялось, так как *ревизские души* от ревизии до ревизии не рождаются и не умирают¹⁴. Они только могут выписываться и приписываться, оставляя в первом случае свободные запасные участки в распоряжении общины, а в последнем получая также только подобные свободные участки, потому что, не имея их, община и не захочет принять в свой состав новых членов, особенно там, где, как у большинства сельских общин черноземной России, поземельная рента выше выкупных платежей.

Коренной передел земли при душевой системе наделения мог бы возникнуть лишь в том случае, если бы община постановила единовременно перейти или периодически переходить от ревизского числа душевых единиц к наличному числу этих единиц или от душевых к тягловым единицам, т.е. числу взрослых работников. Но в первом случае потребовалась бы частная для общины и точная поименная перепись наличного состава дворов в данное время.

Ни того, ни другого не только в Мураевенской волости, но и во всей нашей местности не происходило: ни в одной общине не состоялось ни одного приговора ни о переходе от ревизского числа душевых единиц к числу наличных, ни о переходе от душевых единиц к единицам взрослых работников. Не было и необходимости для таких переходов частной переписи, ни изменения размера раз определенного при введении уставной грамоты душевого участка, одним словом, того передела, который мы называем коренным и который влечет за собою весьма сложную операцию новой нарезки душевых полос в каждом коне. Даже изменения границ и размеров большей части конов в нашей местности не было ни одного примера со времени коренного передела,

происшедшего у нас повсеместно при введении уставных грамот; но я отнюдь не отвергаю возможности возникновения этого передела на будущее время и в общинах Мураевенской волости, особенно после новой народной переписи, самый характер которой может иметь несомненное влияние на составление или несоставление мирских приговоров о коренных переделах.

Вторая форма передела проявляется тогда, когда число единиц, на которые община поделила свои полевые земли, осталось одно и то же. Но отведенные на каждую единицу полосы вследствие каких-либо соображений по истечении некоторого времени пользования или периодически в продолжительные или краткие периоды переверстываются по жеребью. Эту форму передела, которую мы называем *общей пережеребьевкой*, действительно, нередко применяют и в нашей местности, как увидим ниже, к луговой земле, но ни разу к полевой земле ни в волости, ни в окрестной местности она не применялась, и опрашиваемые мною крестьяне считают эту форму передела немыслимой в применении к полевым наделам нашей местности, в которой тщательное удобрение пашни уже играет весьма важную роль в крестьянском хозяйстве.

Третья форма передела уже не касается всей крестьянской полевой земли: она заключается лишь в ломке и пережеребьевке крестьянских полос в части одного поля или, самое большое, в целом поле, обусловленных большею частью изменением в составе кона или даже в составе целого поля. Мы привели уже выше единственный нам известный с 1861 года пример такого передела в волости, состоявший в том, что Гремяченская община в одной (большей) части одного из своих трех полей из трех конов сделала один, причем, конечно, произошла новая жеребьевка и новая нарезка душевых участков, разумеется, в прежнем количестве на каждый двор, так что каждый двор, не потеряв из своего землевладения ни одной пяди земли, очутился со своим участком в переделенной части поля на новом месте. Как на пример подобного же передела я могу указать на случай в одной из общин соседней волости. Там крестьяне, раздвинув свои усадьбы после пожара, заняли ими часть одного поля. Вследствие этого пришлось один кон, ближайший к усадебной оседлости, перерезать и переделить вновь, но крестьяне не распространили, сколько мне известно, передела на ближайший кон. Весьма вероятно, что такие, как я их назову, *местные переделы* случались иногда в нашей местности, и некоторые из них даже не сохранились в крестьянской памяти, а потому могут быть легко упущены исследователем, если он не нападет на домохозяина, которому подобный передел почему-либо особенно памятен, но, вообще говоря, крестьяне редко и осторожно приступают и к этим переделам и предпринимают их только тогда, когда выгода или необходимость таких местных переделов очевидна, памятуя, что и эти переделы имеют свою несправедливую и ненавистную сторону по отношению к тем домохозяевам, которые, положив много трудов на удобрение своей земли, получили взамен ее неудобную.

Наконец, о четвертой форме передела я упоминаю только потому, что указания на нее находятся в программе, это *частные переверстки полос между домохозяевами*, при которых без коренного передела (не происшедшего еще в нашей местности, но всегда возможного) тем дворам, в коих увеличилось

число душ, прибавляется число полос, и, наоборот, от тех дворов, в которых уменьшилось число душ, отнимается число полос.

В Мураевенской волости нередко случается, конечно, что от двора, наделенного при введении уставной грамоты определенным числом душевых наделов полевой земли, некоторые из этих наделов отбираются и поступают в распоряжение міра. Но причины этого перехода участков от двора к міру по сделанным мною частным изысканиям лежат всегда в самом дворе, а не в міре и сводятся к следующим:

1) Отказ самого домохозяина от всего своего полевого надела или части его, определяемой непременно некоторым числом душевых участков (одного, двух, трех), и добровольная передача этой земли в распоряжение міра. Такой отказ случается всегда, когда домохозяин или перестает заниматься по своим экономическим или иным соображениям эксплуатациею земли или при уменьшении рабочих сил двора не имеет возможности справиться со всеми своими душевыми участками. Что такой отказ имеет характер вполне добровольный, доказывается тем, что многие домохозяева вместо передачи своих участков міру передают их по частным сделкам кому бы то ни было из своих односельцев, и в таком случае мір никогда не нарушает таких сделок.

2) Постоянные недоимки. В случае таких недоимок мір, помимо согласия домохозяина, отбирает у него либо весь полевой надел, либо некоторый из его душевых участков в свое распоряжение. Но и в этом случае в общинах описываемой волости мір признает за домохозяином право при изменившихся обстоятельствах, а именно при возврате его к состоятельности, получить обратно отобранные или отданные добровольно душевые участки, хотя бы они принадлежали выморочным душам.

3) Отсутствие взрослого работника в семье. При этом если во дворе нет и подростков, одним словом, двор выморочный, то община отбирает участки окончательно, так как участок этот как общинный не может быть наследственным для лиц, в состав двора не входящих, хотя бы они состояли в ближайшем родстве с умершим домохозяином и даже были его выдлившимися сыновьями. Но если во дворе есть подростки, хотя бы женского пола (в таком случае, если наличных душ муж. пола вовсе нет), то община входит, так сказать, в права только опекуна. Если хозяйка справляется и при отсутствии работника с своим наделом до достижения рабочего возраста сыновей, а если таковых не имела, до замужества дочерей, которых усыновленные или призятченные¹⁵ мужья всегда могут поступить во двор, то мір не отбирает душевых участков полевой земли. Если же домохозяйка справляется с делами плохо, то участки временно отбираются, но возвращаются по требованию вошедшего в рабочий возраст и состоятельного в распоряжении своим имуществом сына или даже призятченного мужа дочери.

Поступившими в распоряжение общины участками мір распоряжается вполне по своему усмотрению и при том весьма разнообразно, как будет объяснено ниже.

Во всяком случае трудно признать за *передел* такую передачу некоторых душевых участков от одних дворов к другим, все равно, происходит ли она без посредства общин или даже при ее посредстве, так как такого рода передача не

может происходить по требованию домохозяев, желающих получить дополнительные участки, ссылаясь на несоответствие числа своих участков с наличным составом своей семьи. Вообще я не видал примера, чтобы община для удовлетворения подобного требования одного домохозяина отобрала бы участок у другого, у которого число душ уменьшилось против ревизии.

Извлекаю из своей подворной описи нижеследующую таблицу, из которой ясно видно, какое в каждой общине число дворов и сколько имеет более или менее наличных душ против числа владеемых ими душевых наделов.

ОБЩИНЫ	Число дворов, имеющих относительно числа душевых наделов									
	Менее душ			Стол-ко же	БОЛЕЕ ДУШ					
	На 3 души	На 2	На 1		На 1 душу	На 2 души	На 3	На 4	На 5	На 6 и бол.
1. а. Мураевенская	–	1	15	34	27	12	4	2	1	–
б. Федоровская	–	2	13	26	34	27	12	4	2	1
2. Ольховская	–	2	11	24	33	27	13	6	2	2
3. Подольховская	–	–	1	9	7	5	–	–	–	–
4. Заболотская	1	1	21	55	53	30	11	4	3	–
5. Лубянская	–	–	1	8	4	3	1	2	–	–
6. Три Савинские	–	3	4	3	8	4	1	–	–	–
7. Чернышевская	–	–	2	2	5	4	1	2	1	1
8. Гремяченская	1	–	2	5	14	7	2	1	–	–
9. а. Краснослободская	–	–	–	6	3	10	2	–	–	–
б. Нарышкинская	–	1	1	4	6	5	3	1	–	–
10. Две Хорошевские	–	–	–	1	4	3	2	–	–	–
11. Давлетьевская	–	–	2	5	8	6	2	–	–	1
12. Две Зеркальные	–	1	–	2	3	3	–	1	1	–
13. Бабинская	–	1	1	6	5	2	–	–	–	–
14. Богохранимая	–	1	6	8	6	9	–	–	–	–
Итого:	2	13	80	197	210	157	54	23	10	5

Из этой таблицы, как и из постоянных опросов крестьян 20 исследованных общин, несомненно:

1) Что вообще число душевых наделов каждого двора, не изменявшееся со времени введения уставных грамот, не находится в соответствии с наличным числом душ в тех же дворах.

2) Что число дворов, в которых более душ, чем душевых наделов, превосходит в шесть раз число дворов, в коих число душ менее числа душевых наделов, и что сильная диспропорция в этом смысле существует во всех общинах волости.

3) Что община никогда не задавалась частною переверсткою между домохозяевами душевых наделов, т.е. насильственным их отнятием у тех домохозяев, у которых число душ уменьшилось, и передачею их тем, у которых оно увеличилось, так как на каждый один отнятой надел (отнять можно было 112 наделов) явилось бы 8 требований (недостающих против числа наличных душ 875 наделов), и община не знала бы, кому из них отдать преимущество.

Лучше всего это положение иллюстрируется следующим примером. В маленькой Хорошевской общине № 2 три земельных двора. В одном из них число душ уменьшилось на 1, в двух увеличилось: в одном на 5 душ, в другом на 2. Тот, в котором число душ увеличилось на 5, потребует от того, в котором число душ уменьшилось, передачу себе участка. Но против него будут оба остальных двора: один потому, что не пожелает уступить своего участка, другой потому, что он также пожелал бы получить его, но не может. Одни словом, во всякой общине дворы, имеющие право получить выморочные участки, но не могущие их получить, всегда будут на стороне тех, у которых хотят отобрать участки и нигде большинство в пользу передачи состояться не может, и община может только решить или в пользу оставления участков за домохозяевами, которые ими пользовались, или в пользу коренного передела по наличным душам.

Несомненным кажется, что частная переверстка участков могла бы быть постановлена общиною лишь в таком случае, если бы число убыли во дворах душ равнялось как раз числу прибылых, что почти невозможно, или при тягловой системе пользования землею, где в промежутках между коренными переделами община может укрепить соответствующее разделению последнего передела число тягол и учреждать новые тягла тогда, когда старые упраздняются. Тогда система частных переверсток возможна при соблюдении очереди между возникающими тяглами до общего изменения числа тягловых участков при коренных переделах. Ничего подобного в нашей местности не существует.

Распоряжение же миром или общиною возвратившимися по приведенным выше обстоятельствам в мире участками признать за передел, хотя бы и частный, невозможно и неправильно.

Обмены полос между домохозяевами общины по их соглашению допускались беспрепятственно при первоначальном разверстании каждою общиною полевых земель, доставшихся ей по отводу при введении уставной грамоты, допускаются и ныне столь же беспрепятственно. Подобные обмены происходят ныне не особенно часто, обуславливаются исключительно

хозяйственными соображениями и составляют частные сделки домохозяев без участия в них міра.

Независимо от обмена полос замечен мною в одной общине (Нарышкинской) интересный факт продажи полос и даже целых душевых участков одними домохозяевами другим той же общины. Выше было упомянуто, что община купила у помещика 30 дес. земли, отрезанной им как превышавшей высший надел, определенный Положением, и что эти 30 десятин составили при разделе полей в каждом поле особый жеребий, наделенный подушно между дворами. Некоторые домохозяева, находясь в крайности, продают по одной, а иногда по две душевых полосы во всех трех полях упомянутого клина, составляющего частную собственность общины, своим более зажиточным односельцам. Но было два случая продажи одним домохозяином другому целых душевых участков, т.е. как собственной купленной, так и собственной наделной земли, причем нельзя было с первого разу не удивиться дешевизне продажи этой земли. За нее было заплачено от 50 до 60 р., между тем земли частной собственности покупаются и продаются в нашей местности от 90 до 120 р. Впрочем, по некотором размышлении, причина эта становится весьма понятною, так как земля эта *черная*, т.е. такая, на которой лежат повинности (выкупные платежи и подушные), простирающиеся до 3 р. 60 к. с десятины. Капитализируя эти 3 р. 60 к. из 6 %, получается около 60 р., и причисляя их к уплаченной сумме, получается от 110 до 120 р., т.е. настоящая ходячая стоимость земли. Нет сомнения, что домохозяева, делающие такие покупки и очень хорошо знающие местные крестьянские взгляды на пользование полевой землею, не ожидают и не боятся переделов. Те же самые покупатели полных душевых участков покупают полоски в собственной (купленной у помещика) земле крестьян, на которых не лежит ни выкупных, ни подушных по 120 р. за десятину.

Переходя затем к *разделам полевой земли* при разделах дворов, мы находим, что разделы полевых земель весьма просты и не подают повода ни к малейшим затруднениям. Если, например, двор, состоящий из 7 ревизских душ, делится на два двора, из коих в один двор отходит 4, а в другой 3 души, то и каждый участок или полоса земли делится так, что одному двору отходит пространство, соответствующее 4 душевым полосам, а другому трем. Умершие души не составляют затруднений в случае, если возможно определить, к какому двору должна быть отнесена умершая душа. Например, делятся два брата, умершая душа есть сын одного из этих братьев, или делятся дядя с племянником, а умершая душа есть отец племянника. Здесь не может быть сомнения в том, к которому из разделившихся дворов должна быть отнесена ревизская душа. Делятся два брата, но был умерший третий. Если у него остались вдова и малолетние дети (не ревизские), то его участок достается в тот двор, в который поступают вдова и дети. Но если умершая ревизская душа одинокая и находилась в одинаковом отношении к выделяющимся (например, умерший брат, дядя, не оставившие жены и детей), тогда участок его делится пополам между домохозяевами разделяющихся дворов. Поясним примером. В одном дворе Нарышкинской общины было 4 ревизск. души – три брата и дядя. Дядя и

два брата умерли. Младший брат делился с вдовой старшего, имеющего только дочерей. Вдова получила душевой участок мужа и среднего брата, потому что вдова этого брата с единственной своею дочерью осталась при ней. Душевой участок полевой земли умершего одиноким дяди поделен был не на три части, а на три семьи племянников, пополам между двумя выделившимися дворами, так что на вдовый двор досталось полевой земли на 2 ½ души, а на не выделившийся на 1 ½ души. Что же касается усадебной земли и движимости и стоимости строения, то все это было разделено на три части, и выделившийся младший брат получил только одну треть.

При накоплении на участок таких неоплатных недоимок, которые могут быть пополнены лишь мирскою раскладкою, община считает себя полным хозяином участка. Такие случаи вообще редки, и практика отношения к ним общины не обширна. В Мураевенской и некоторых других общинах участки, попадавшие в мирское распоряжение, по местному выражению, продавались, т.е. сдавались членам общины с публичного торга на определенное по усмотрению общины число лет. Но так как при этом между покупателями происходила стачка, то земля сдавалась обыкновенно не свыше цифры повинностей на ней лежавших, а именно по 5 руб. за десятину в поле, что составит кругом 3 р. 33 к. Хотя сумма эта покрывала все лежащие на земле повинности на будущее время, она не уплачивала накопившихся на участке недоимок, которые падали на мир. Крестьянин, указавший на возможность распоряжаться более выгодно для общины недоимочными участками, был выбран общиною в старосты и ему было предоставлено распоряжаться сдачею находившихся в распоряжении общины участков по своему усмотрению с ведома трех выборных стариков. Новый староста сдал участки зажиточным членам общины по 11 р. за десятину в двух полях, а кругом по 7 р. 30 к., что и дает возможность общине, независимо от уплаты последующих платежей, погасить накопившиеся на участке недоимки¹⁶. Земля, раз поступившая в распоряжение общины, вообще не возвращается ее хозяину, по крайней мере, до истечения продолжительного срока ее отдачи, но в исключительных случаях при изменившихся обстоятельствах, обеспечивающих безнедоимочную уплату лежащих на земле повинностей бывшего недоимщика домохозяина, община возвращает ему землю.

Вообще говоря, в нашей местности, где на десятине земли лежит *всех вообще повинностей* выкупных, подушных, земских и мирских при высшем наделе 3 р. 50 к., при среднем до 4 р., при низшем 6 руб., а пахотная земля отдается в наем кругом по 8 р., община не может быть никогда серьезно затруднена отказом от участков некоторых своих членов или их несостоятельностью, которая, разумеется, имеет гибельные последствия для несостоятельных дворов, а не для целой общины.

В заключение приводимых сведений о пользовании полевой землею нам остается еще сказать, что вообще из поземельных отношений членов одной и той же общины и в особенности относительно полевой земли почти никогда не возникает никаких нарушений чужих прав, например, перепаживания межевых гривок, потрав или похищения чужого хлеба, несвоевременного исполнения

приурочиваемого к одному времени работ, споров о неуравнительном разверстании участков и т.д., ни даже вообще никаких пререканий и споров, до такой степени все члены общины ясно сознают свои права и обязанности, вытекающие из общинного пользования землею. Только относительно тесных позьмов усадебной земли, где уже часто недостает места для выделяющихся дворов, возникают иногда столкновения между домохозяевами и протесты некоторых из них против мирских приговоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тягло – муж с женой в крестьянском хозяйстве, единица, которой определялся размер наделения землей и, соответственно, повинностей помещику.
2. Сгонные дни – работа всей общины одновременно на барском поле, не в зачет барщины.
3. Коренной передел земли – с изменением величины разверсточной единицы. Его описание для пореформенного периода приведено П.П. Семеновым ниже.
4. Уравнительный передел земли, по мнению некоторых исследователей, важнейший показатель мирского (общинного) пользования землей. См.: Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906.
5. Крестьяне выработали некоторые принципы вознаграждения за утрачиваемую удобренную землю.
6. Крестьянское понимание справедливости, опиравшееся на «право на труд» предполагало осуществление последовательного равенства в распределении земли: по ревизским душам, или наличным работникам мужского пола, или по едокам.
7. Обычное крестьянское право предусматривало участие при необходимости и женщин в сельском сходе.
8. Важное наблюдение автора, поскольку в литературе традиционно преувеличивается степень влияния на сход крикунов, мироедов, кулаков и т.п. Не без этого – но было и другое. См.: Буганов А.В., Громыко М.М. О воззрениях русского народа. Изд. 2-е. М., 2007. С. 239-245.
9. Сажень – единица измерения, равная 3 аршинам (2,13 см), а также «мерило в эту меру» (Даль В.И. Указ. соч. Т. IV. С. 129).
10. Среди крестьян все сильнее распространялось представление о том, что долговременный платеж за землю (выкупные платежи) создает право семейной на него собственности. Особенно активно эту мысль отмечали крестьяне к концу века.
11. Строительный устав входил в состав Свода законов Российской Империи. Манифестом 31 января 1833 года «Свод законов» был объявлен действующим источником права с 1 января 1835 года. Строительный устав состоял из семи разделов, 18 глав, 242 статей и приложений.
12. Такое «общинное великодушие» имело основой традиционные «нормы» обычного права («право на труд»), ориентировавшиеся на крестьянское понимание справедливости.
13. Известный русский правовед отмечал: «... обычай так могуществен в юридическом быту, что, пожалуй, выведет из употребления закон, направленный против его применения» – Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1861. С. 26.
14. Внесенные в ревизские сказки души употребляются в счете вплоть до следующей ревизии, то есть «не рождаются и не умирают».
15. Мужья, принятые в дом к жене, взятые в зятья (в одной из губерний их наименование «влазень»).
16. И в последующем: круговая порука вовсе не означала оплату миром недоимок неплательщиков.

